

М. ШИФРИН

Барон Врангель. Осторожный авантюризм

Ответственность за судьбу тысяч белых солдат и офицеров, покинувших Крым вместе с Врангелем, до неузнаваемости преобразила вождя последней Белой армии.

В школьных учебниках на бегстве из Крыма заканчивается история «черного барона» Врангеля (1878–1928) — вождя последней Белой армии. Но ему предстояло еще многое: планы захвата Болгарии и убийства великого князя Николая Николаевича, тайные переговоры с германским правительством, победа над группой сотрудников ГПУ во главе со знаменитым Яковом Блюмкиным¹ и смерть от руки его более профессиональных коллег.

Всего через год после его отплытия большевики объявили амнистию всем белым, бежавшим в Турцию. На призыв вернуться первым откликнулся самый талантливый военачальник Врангеля, экстравагантный кокаинист генерал Яков Александрович Слащёв (1885–1929). Он стал преподавать военное дело красным командирам. Как-то в разговоре с Феликсом Эдмундовичем Дзержинским (1877–1926)² Слащёв характеризовал Врангеля как «самую большую умницу» среди отпльвших из Крыма генералов. По натуре трус, но в бою — «профессионально храбр». Осмотрителен, абсолютно беспринципен. В общем, осторожный авантюрист. Без посторонней помощи и руководства ничего серьезного не сделает.

По словам Слащёва, Врангель окружил себя посредственностями. Его первый помощник генерал Александр Павлович Кутепов (1882–1930) по интеллекту не более чем фельдфебель. Выделялся умом только личный друг Врангеля генерал Павел Николаевич Шатилов (1881–1962), но уж очень он нечист на руку. Покидая Крым, командиры полков передали Врангелю на хранение свои ценные вещи. Барон, в свою очередь, передоверил Шатилову ларчик с камнями. Впоследствии оказалось, что наиболее крупные бриллианты из этого ларчика исчезли. Главнокомандующий замаял скандал, но бриллианты Шатилову пришлось вернуть.

После гибели «Лукулла»

Большевиков сильно тревожило пребывание на берегах Черного моря армии, готовой по первому сигналу высадиться в Крыму или на Кавказе. Как только представилась возможность, красные попытались ее обезглавить.

Врангель жил на яхте «Лукулл», стоявшей на рейде в проливе Босфор. Там находилось его семейство, а также войсковой архив и казна. 15 октября 1921 года итальянский пароход «Адрия», следовавший из советского порта Батуми, свернул в сторону рейда и на полном ходу протаранил яхту, пустив ее ко дну. Любопытно, что по суду никакой компенсации с итальянцев получить не удалось.

В момент катастрофы барон был на берегу, но испугался сильно. Сразу же уехал в Сербию, которая была тогда частью Королевства сербов, хорватов и словенцев, то есть будущей Югославии. Царствовал там старый приятель Врангеля, король Александр I (Александр I Карагеоргиевич, 1888–1934). Он поселил барона в городке Сремски-Карловцы, позволив разместить там отряд из двух тысяч вооруженных людей. Вся остальная армия осталась на попечении Кутепова, который переправил ее в Болгарию. 15 декабря 1921 года белые покинули Турцию навсегда.

К тому времени белое командование продало свои пароходы, и Врангель не знал, чем дальше кормить армию. К счастью, объявился богатый спонсор. Это был посол Временного правительства в Вашингтоне Борис Александрович Бахметьев (1880–1951)³. При первом известии о штурме Зимнего он сразу же перевел на свое имя имевшиеся на счету посольства \$58 млн. Бахметьев не раз объявлял, что он на стороне Белого движения, хотя делиться капиталом не спешил. Во время Гражданской войны он купил спичечную фабрику, на доходы с которой жил припеваючи еще тридцать лет.

Но ему стало жалко белых солдат и офицеров, прозябавших в болгарской трудовой колонии. Он выделил некоторую сумму на аренду земли, обзаведение скотом и семенным фондом. Кутеповцы разбили огороды и стали пускать корни в Болгарии. Они все еще представляли собой отличное, закаленное в боях войско численностью около 35 тыс. человек. Больше, чем все болгарские вооруженные силы. И генерала-фельдфебеля Кутепова посетила шальная мысль — а не свергнуть ли местное правительство, превратив Болгарию в белый оплот?

Но в Болгарии имелись и собственные коммунисты, которые были не прочь «попиариться» за счет Кутепова. Они стали громко уличать его. Правительство насторожилось, и полиция провела внезапный обыск на штаб-квартире кутеповской контрразведки. Нашлись точные описания болгарских воинских частей и складов

оружия. С великим шумом Кутепова арестовали и в мае 1922 года вместе с Шатиловым и еще пятьюдесятью семью старшими офицерами выдворили из Болгарии.

«Вы — кирилловец?»

Любая армия должна кому-то служить. И Врангель принялся искать среди эмигрантов политическую силу, которая собиралась бороться с большевиками. Вскоре поступило первое предложение. Великий князь Кирилл Владимирович (1876–1938) 8 августа 1922 года объявил себя блюстителем престола отсутствующего (поскольку судьба его была в тот момент еще неизвестна) императора Николая II (1868–1918). Врангелю пришла телеграмма с предложением о «творческом сотрудничестве». Кончалась она словами «манифест высылаю». Причем манифест так и не доставили — ни по почте, ни с оказией.

Врангель не одобрял замысел Кирилла Владимировича. Сейчас барон мыслил как военком. Если армия отправится в Россию восстанавливать империю, в нее не запишутся убежденные республиканцы, которые отлично сражались за Деникина. А значит, солдат и офицеров не хватит. Сославшись на неполучение манифеста, Врангель вежливо отказал Кириллу и обратился к самому влиятельному из Романовых — дяде убитого императора великому князю Николаю Николаевичу Младшему (1856–1929).

Великий князь выступал в свое время за конституционную монархию и в качестве лидера многим представлялся более подходящим кандидатом. В 1920-м Николай Николаевич предлагал Врангелю свои услуги в качестве командующего армией, но был отвергнут. Теперь роли поменялись. И старейший Романов доставил себе удовольствие маленькой мстью, не дав никакого ответа на предложения Врангеля. Зато Николай Николаевич нашел три часа, чтобы побеседовать с абсолютно незнакомым человеком из России — Александром Федоровым, настоящее имя которого было Александр Александрович Якушев (1876–1937)⁴.

Гость привез сенсационную новость: оказывается, в Советской России действует подпольная контрреволюционная организация под названием «Трест»⁵. Ее люди имеются во всех структурах власти и готовят переворот. «Трест» был готов помочь белым установить связь с верными им людьми в России.

Якушев желал увидеться и с Врангелем, но тот не верил ему и отправил на встречу с Якушевым начальника своей контрразведки Евгения Константиновича Климовича (1871–1930). Тот сразу спросил, каким образом «Трест» может уцелеть «в стране, пропитанной ГПУ». Якушев ответил, что есть у организации свои люди и среди чекистов, так что удары удастся вовремя отводить. Контрразведчика этот ответ не убедил.

А Николай Николаевич поверил посланцу ГПУ. Летом 1924 года Якушеву поверит и жаждавший деятельности Кутепов. Люди легко верят тому, чего они хотят. Кутепов, постоянно засылавший белогвардейцев в Россию, стал отправлять людей в Петроград при помощи «Треста». Поначалу каналы связи и окна на границе работали отлично, и перспективы казались прекрасными.

Но Врангель задавался вопросом: на что могучему «Тресту» бездомные русские эмигранты, у которых нет денег? Единственное, чего нет у подпольной организации, так это готовой армии. Им нужен он, Врангель, а не престарелый великий князь. И генерал осторожно начал с «Трестом» свою контригру.

Философ в роли аналитика

Чтобы разобраться в политической обстановке, нужен умный человек, приехавший из Советской России. Врангелю порекомендовали философа Ивана Александровича Ильина (1883–1954), высланного Лениным на так называемом «философском пароходе». Ильин составил весьма толковую записку о советской власти и возможности ее свержения. Профессор писал:

«Такая фигура может попытаться вынырнуть из революции, поставив ее силу к своим услугам и не напрягая ее против себя. На этом покоятся, конечно, расчеты Брусилова, Зайончковского, Слащёва, может быть, Троцкого <...> Тухачевский — очень честолюбив, фаталистичен, молчалив; кажется, не умен; может стать центром заговора; вряд ли справится. Полковник Каменев просто штабной спец из радикалов. Будённый будет еще служить Царю <...> Активного центра, организующего переворот в России, за границей, по-видимому, нет. Возникновение его среди русских маловероятно».

Одним словом, не похоже, чтобы у «Треста» был лидер в России или за рубежом. Недоверие Врангеля к этой организации, его подозрительные раздумья породили в некоторых горячих головах на Лубянке стремление быстро покончить с вождем Белой армии. Пока Ильин собирал материал для записки Врангелю, осенью 1923 года за «черным бароном» пришли. В ворота его дома в Сремски-Карловцах постучался сам Яков Блюмкин (Симха-Янкев Гершевич Блюмкин, ок. 1898–1929), убийца германского посла Мирбаха, поклонник Гумилёва⁶ и приятель Есенина. В очередной раз он продемонстрировал поразительную глупость.

По рассказу одного старого оперативника, чекисты выдавали себя за французских операторов, снимающих кинохронику. Врангель охотно согласился позировать хроникерам. Они приехали вчетвером. Имитирующий камеру ящик был набит гранатами и пистолетами, белый зонтик осветителя маскировал холодное оружие, а в чехле от штатива прятался ручной пулемет «Льюис» с диском.

Но группе не суждено было прорваться к дому Врангеля, перестрелять, как планировалось, его охрану, а его самого скрутить, вывезти в СССР и предать народному суду. По старой российской привычке Блюмкин в ворота постучал. Однако в Сербии, как и повсюду в Европе, на воротах уже давно были электрические звонки. Охранники справедливо сочли, что стучаться могут только люди, недавно прибывшие из Страны Советов, а уж никак не цивилизованные французы. И на всякий случай ворота не открыли.

Вместе против «Царя Кириухи»

31 августа 1924 года «блюстителю престола» Кирилл Владимирович объявил себя Императором Всероссийским Кириллом I. Поскольку русская армия почти всю свою историю подчинялась императору, Врангель испугался, что теперь он утратит влияние на собственное войско. На следующий же день он распустил армию и провозгласил ее преобразование в общественную организацию Русский общевойсковой союз (сокращенно РОВС), который сам же и возглавил. Так Врангель убивал двух зайцев. Во-первых, выводил своих людей из подчинения новоявленному императору. Во-вторых, в «общевойсковой союз» могут вступать все русские офицеры и солдаты, а не только те, кто был в Крыму.

Кирилл Владимирович доверия не заслуживал. Осведомленный Ильин писал, что Кирилла I окружают проходимцы:

«Их план для России: договориться с ГПУ, произвести из него переворот, амнистировать коммунистов, переокрасить их в опричников и вырезать всех несогласных».

Зато Николай Николаевич оценил независимость Врангеля и пригласил его «остановиться у него в замке, воспользоваться его гостеприимством». Теперь условия ставил великий князь: он принимает на себя руководство армией и РОВС, не провозглашая пока похода на Россию; армейская казна передается ему; РОВС образует специальный отдел во главе с Кутеповым для террористической деятельности в Советской России. Зато с Врангеля снимается всякая ответственность за армию. 16 ноября 1924 года Николай Николаевич объявил себя официальным главой РОВС и всей русской эмиграции.

А к 1925 году пагубная связь с ГПУ дала плоды. У Кутепова пошли провалы один за другим. Английского разведчика Сиднея Рейли (Sidney George Reilly, настоящее имя Соломон Розенблюм, 1873–1925)⁷, попавшего в Россию по каналам «Треста», убили в Москве. Потом была инсценирована перестрелка на финской границе, где Рейли будто бы погиб при попытке незаконного пересечения рубежей СССР.

Опытнейший эсер-террорист Борис Викторович Савинков (1879–1925), проникший в Россию по тем же каналам, оказался на Лубянке

и свел счеты с жизнью, бросившись в лестничный пролет. С тех пор в СССР на широких лестничных пролетах стали устанавливать сетки, якобы для предотвращения падения предметов.

Но все же некоторые люди Кутепова спокойно жили на даче в Малаховке и планировали очередные теракты. Многие верили в могущество «Треста». Для окончательной проверки Врангель при помощи этой организации отправил в Россию своего человека.

Это был отважный монархист, писатель Василий Витальевич Шульгин (1878–1976). Его сын Вениамин сражался в Крыму за белых и пропал без вести. Шульгин хотел его найти, «Трест» предложил ему в этом содействии. Главнокомандующий лично провожал Шульгина на вокзале в Сремски-Карловцах, вместе с русской колонией в полном составе, включая младенцев в колясочках.

Три месяца Шульгин путешествовал по СССР. Сына не нашел, но зато безо всякой опасности вернулся, насмотревшись на нэповскую жизнь. Он пришел к выводу, что «все как прежде, только несколько хуже». Повсюду ему являлись высокопоставленные советские деятели, говорившие о своей ненависти к большевикам и желании изменить ход событий. По возвращении Шульгин издал книгу «Три столицы» (вышла в 1927 г.) с изложением увиденного. Книга продавалась на ура, читатели-эмигранты были рады убедиться, что скоро в России все переменится.

Но люди Врангеля в СССР незаметно следили за Шульгиным и доложили, что все интересные попутчики и собеседники писателя были кадровыми чекистами. Если Кутепов верил, что провал Рейли — не вина «Треста», то Врангель больше не имел иллюзий. Однако делиться этими знаниями он не спешил.

Без финансирования

В январе 1926 года Николай Николаевич внезапно заявил, что с 1 марта финансирование Белой армии прекращается. В новом бюджете деньги нашлись только на теракты Кутепова и подготовку книги о подвигах русской армии в 1914–1915 годах под командованием Николая Николаевича.

Это было возмутительно. Тысячи солдат и офицеров, в том числе инвалидов Гражданской войны, оставались без средств к существованию. Самому Врангелю пришлось устроиться на работу горным инженером в одной бельгийской фирме и снимать квартиру в Брюсселе. Все его генералы давно работали таксистами, и только для Кутепова находились деньги, которыми он так нелепо распоряжался.

В 1926 и 1927 годах армию опять выручил Бахметьев, выделивший средства на скромное жалованье солдатам. Но что будет дальше? Николай Николаевич был неисправим: он по-прежнему не ставил перед собой никакой цели, преемника себе не назначал, средства

отпускал только на бессмысленные мелкие теракты. Убийства отдельных комиссаров и взрывы в Москве и Ленинграде казались ему практическим результатом.

Дошло до того, что верный друг Врангеля кавалерийский генерал Иван Гаврилович Барбович (1874–1947) предложил в интересах дела убить великого князя. Сохранилось его письмо Врангелю:

«В случае смерти этого лица или полной его физической неспособности (в виде трупа), РОВС естественно только и может подчиниться своему главнокомандующему».

Но заговор был барону не по душе. Он окончательно отверг план убийства летом 1927 года, едва забрезжила надежда получить деньги из Великобритании.

Надежда явилась в лице князя Феликса Феликсовича Юсупова (1895–1967), убийцы Распутина. Он дал знать Врангелю, что с ним желают связаться британские спецслужбы. Имелся в виду британский разведчик Оливер Локкер-Лампсон (Oliver Stillingfleet Locker-Lampson, 1880–1954), который в Гражданскую войну был в России, а потом стал влиятельным членом правящей партии консерваторов и тайно поддерживал кутеповскую организацию. Постепенно мистер Локкер-Лампсон разочаровался в ней и хотел найти более умелых людей. Врангель попросил Шатилова набросать план действий и бюджет организации, которую можно было создать в СССР.

Шатилов написал вполне реальный план, включавший создание контрреволюционных ячеек, поиск контактов с командирами Красной армии, выработку платформы, основанной не только на отрицании коммунизма. И теракты, конечно, тоже, но теперь шла речь не о гранате в общежитии по-кутеповски, а об устранении руководителей СССР. Бюджет первого года 360 тыс. франков (около \$12 тыс.). На второй год расходы организации вполне в духе Шатилова предполагалось покрывать «эмиссией советских денежных знаков».

Врангель собрался уже в Англию на переговоры, но ему неожиданно отказали в выдаче британской визы. Консервативный кабинет оказался антисоветским только на словах.

Врангелевский ответ Чемберлену

Дальше пришло совсем обидное известие, что англичане опять выдали Кутепову 200 тыс. франков на проведение терактов. Терпение Врангеля лопнуло. Он решил выступить в печати. Выбор пал на популярный парижский еженедельник «Иллюстрированная Россия». Ильин обработал имевшиеся у Врангеля сведения о поездке Шульгина и передал их знаменитому журналисту-революционеру Владимиру Львовичу Бурцеву (1862–1942), который 20 лет тому назад разоблачил Азефа.

И в номере за 8 октября 1927 года вышла статья Бурцева о путешествии Шульгина «В сетях ГПУ». Оказывается, каждый шаг от важного писателя и каждое движение «Треста» были под контролем чекистов. Бурцев писал:

«Провокаторы знали, что В. В. Шульгин будет писать воспоминания о своей поездке в Россию, и они высказали ему опасение, как бы он, не знакомый хорошо с условиями русской жизни, не сделал в книге каких-нибудь намеков, которые помогли бы ГПУ расшифровать его поездку. Поэтому они просили, чтобы он перед печатанием своих воспоминаний дал бы им возможность просмотреть рукопись своей книги. В. В. Шульгин, конечно, на это согласился, и, таким образом, его воспоминания перед печатанием были проредактированы в Москве в ГПУ! Такова совершенно невероятная история книги Шульгина, и мы никогда не решились бы этого опубликовать, если бы эти сведения не были основаны на данных, не подлежащих сомнению...»

А 22 октября «Иллюстрированная Россия» поместила интервью самого Врангеля. Барон прошелся по Кутепову и Николаю Николаевичу: «Невиданные по своей чудовищности приемы ГПУ усыпили многих <...>. Разве из-за того, что неспособный начальник проиграл бой, бросив свои части в наступление, не произведя должной разведки, не обеспечив этого наступления должными силами и средствами, следует заключить, что вечный принцип “лишь наступление обеспечивает победу” — неверен? Работа в России необходима и возможна».

Заканчивалось интервью посланием уже к англичанам: «Мир начинает понимать, что большевизм не только русское, но мировое зло, что борьба с этим злом есть общее дело. Внутри России зреют и крепнут здоровые силы. Несмотря на все пережитые испытания, я уверенно смотрю в будущее».

Это значило: «Я понимаю, что нужно делать, у меня есть в России люди, и деньги я все равно получу; не от вас, так от немцев».

Чистая работа

Конечно, Врангель блефовал. Да, у него были агенты, сумевшие провести наружное наблюдение за Шульгиным и его собеседниками-чекистами. Но для восстания этого недостаточно. Тем не менее в начале марта 1928 года к Врангелю в Брюссель прибыл официальный представитель германского правительства.

Назвался он фамилией Феттер. Спрашивал об условиях, предлагал небольшие денежные суммы. Врангель отказался принять их, пока не достигнута принципиальная договоренность. Он излагал тот же план Шатилова. Пугал немца успехами красной пропаганды и тем, что англичане тоже интересуются врангелевской организацией. Феттер обещал Врангелю подумать и вскоре вернуться.

ОГПУ было озадачено эмигрантом, имевшим в России соратников, которые смогли поймать чекистов за руку на их собственной территории. Раз об этой операции Врангеля вовремя не узнали, он ее разрабатывал сам или в очень узком кругу. Ай да барон, ай да тихоня! Кто бы мог подумать, что характеристика Слащёва устареет и Врангель станет достойным противником?

Коллеги с Лубянки опередили Феттера. 18 марта 1928 года у Врангеля внезапно поднялась температура. Врачи определили «кишечный грипп». Но температура больше месяца подозрительно не падала ниже 39 °С. «Грипп» перешел в «интенсивный туберкулез», в легких обнаружилось колоссальное количество палочек Коха, и 25 апреля после тяжких мучений барон умер. В возрасте 49 лет.

